

Она сжала губы в улыбке:

— Выходит, если я не заведу собаку, то как будто обижу тебя?

Я ответила:

— Не заводите другую, заведите меня. — Я нырнула к ней в объятия, обхватила за талию, затем перевернулась и, лёжа у неё на коленях, смотрела снизу вверх:

— Хозяйка, хозяйка, тебе не нужна собачка? Такая, что умеет ездить верхом, мыть голову и целоваться?

Она, видимо, не ожидала, что я и впрямь окажусь такой бесстыдной, с испугом глянула на дверь, а затем, обернувшись, с укором ткнула меня пальцем:

— Ты же принцесса, с чего это вдруг собакой становиться? Не смей больше так говорить.

Я не сдавалась:

— Здесь же никого нет, что плохого в словах? Я ведь искренне. — Её объятия были так удобны, что, будь я вправду псом, наверное, уже виляла бы хвостом и лизала ей руки. Увы, я не была собакой, и мне оставалось лишь надуть губы и повертеться у неё на коленях:

— Хозяйка, хозяйка, такая красивая и милая девушка, как я, — ты правда не хочешь меня приручить?

Вэй Хуань, не зная, как усмирить мои выходки, шлёпнула меня по спине:

— Неведомо, откуда напасть: обрадуешься — и ну обнимать да обзывать кого попало. В прошлый раз, как напилась, тащила меня и кричала «мама», а теперь вот это. Думаю, тебя зря «Тайпин» прозвали, следовало бы «Тайчи» — «Великая простушка».

Я опешила:

— Мама? — Непроизвольно поднялась с её колен и неестественно усмехнулась:

— Когда это было? Не помню.

Она сказала:

— А как же, в тот день на мосту Тяньцзинь? Напилась, обнимаешь меня и не отпускаешь, да ещё и ревёшь, зовёшь «мама». Кормилицы так перепугались, что побежали звать Тяньхоу и Ваше Величество, думали, коли настоящая мать явится, тебе и полегчает. А ты всё меня не отпускаешь! В конце концов Ваше Величество и говорит: «Вот напьюсь в следующий раз я, может, и признаю Туаньэр с Ваньэр дочерьми» — неужели совсем не помнишь?

Я растерянно пробормотала:

— Не помню... Вы мне об этом не рассказывали.

Вэй Хуань покачала головой:

— Я-то думала, тебе стыдно, вот и не упоминала. А ты, выходит, и впрямь забыла. Хотя дело пустяковое, просто пьяная выходка — только зачем ты снова обнимаешься?

Я крепко прижалась к ней. Сердце колотилось, но теперь не от волнения, а от позднего страха. Заметив перемену в моём лице, она тоже обняла меня, похлопала по спине:

— Пьяная выходка — не велика беда. Слышала, на новогоднем пиру кто-то так напился, что и одежду с себя сорвал. По сравнению с ними, что твоё? Ваше Величество тоже значения не придала, только велела нам получше за тобой приглядывать, чтобы ночью горячее питьё под рукой было, коли проснёшься.

Я потёрлась щекой о её плечо, мрачно сказав:

— А кроме того раза, я ещё когда-нибудь... не так себя вела, когда пила? Что я там говорила?

Вэй Хуань бросила на меня укоризненный взгляд:

— Теперь стыдно стало? В прошлый раз, когда Чжан Сынян была тут, ты говорила что-то про Страну женщин — совсем неуместно было. Хорошо, народ вокруг тактичный, за пределы покоев разговоры не пошли.

Я твёрдо заявила:

— Я больше никогда пить не буду.

Она ткнула меня в щеку, усмехнувшись:

— Посмотрим, сколько продержишься.

Я настаивала:

— У меня же сердце пошаливает, мне вообще нельзя. И вправду — больше ни капли.

Тут только она поняла, что я говорю серьёзно. Повернула меня лицом к себе, взгляд стал строгим:

— Тайпин, у тебя... что-то на душе?

Я кивнула, всё ещё обдумывая, как сказать, но она взяла мою руку, поцеловала в щеку и сказала:

— Ладно. Значит, больше не будем. Коли кто спросит, скажешь — сердце, нездоровится.

Я подняла на неё глаза:

— А ты не станешь расспрашивать, в чём дело?

Она покачала головой:

— К чему? Иногда лучше не знать.

Я, увидев, что она не настаивает, с облегчением вздохнула и потянула её за руку:

— Уже поздно, ты сегодня не отдыхала, давай спать.

Она поднялась, мы вместе переоделись и улеглись рядышком.

У нас было два одеяла, но я нарочно убрала её и залезла с ней под одно. Повернулась на бок и

смотрела на неё.

Она лежала ровно, глаза закрыты:

— Ещё не спишь?

Я ответила:

— Сейчас усну. — Притворилась спящей, но продолжала смотреть.

Через некоторое время она снова сказала:

— Всё ещё не спишь.

Я поспешно зажмурилась:

— Сейчас-сейчас усну. — Выждав паузу, приоткрыла один глаз — и увидела, что она тоже смотрит на меня исподлобья.

Я вздрогнула и снова закрыла глаза:

— Я уже сплю, это мне приснилось. — Но тут она фыркнула, тоже повернулась на бок и уставилась на меня:

— Не хочешь спать — и не спи.

Я возразила:

— Но тебе надо выспаться.

Она отмахнулась:

— Час-другой недосыпа — не беда. — Снова потянулась пальцем к моей щеке. Я не успела увернуться, и она принялась мять моё лицо, приговаривая: «Тайпин, Тайпин». Я открыла глаза:

— Ну что?

Она сказала:

— Ничего.

Я уставилась на неё. Она нарочно сделала сердитое лицо:

— Что, тебе можно меня «А-Хуань» да «А-Хуань» дразнить, а мне тебя «Тайпин» нельзя?

Я горделиво вскинула подбородок:

— Нельзя. Только я тебя «А-Хуань», а ты меня — нет.

Она рассмеялась и снова ущипнула меня за щёку:

— Ах ты, ах ты.

Я пригрозила:

— Ещё раз тронешь — я с тобой не поцеремонюсь.

Она усмехнулась:

— Да? И что же сделаешь? Опять подерёмся?

Она явно дразнилась, зная, что я не стану с ней драться. Но я не испугалась. С криком «а-а-а!» я подпрыгнула и навалилась на неё сверху. Она на мгновение опешила, но тут же опомнилась и рассмеялась:

— Коли драться, так на пол, а то на кровати стукнешься — я потом не откуплюсь.

Я удивилась:

— Ты что, не знаешь? — Она же на два года старше, как может не ведать таких вещей? Но, вспомнив, что до дворца она ещё не достигла брачного возраста, сочла это естественным. И тут же мне в голову пришла шалость. Я вся распласталась на ней, принялась щекотать за бока, хихикая:

— Драться-то как раз на кровати интереснее.

Она что-то заподозрила, вся зарделась и принялась отпихивать меня:

— Что за вздор! Я спать хочу, слезь.

Я обвила её руками и не отпускала. Она забеспокоилась, стала толкать сильнее, но, хоть и была крепче, я уже успела занять удобную позицию, и ей ничего не оставалось. Помучившись, она сдалась, позволив мне остаться наверху, и просто запыхалась:

— Ты сама говорила... подруга — это как бы будущая невеста... Ты... ты знаешь, кто делает такое до свадьбы?

Я парировала:

— А кто сказал, что обязательно после свадьбы? Думаешь, я во дворце сижу и ничего о светских нравах не ведаю? — Пусть формально такие вещи и полагались лишь после брака, на деле многие пары этим пренебрегали. Но я и не собиралась заходить с Вэй Хуань так далеко — просто подразнила её. Перекатилась на бок, смотря на неё:

— Само собой, я не из таких.

Она свирепо взглянула на меня — и вдруг ущипнула за грудь. До этого я и не замечала эту часть тела, но, почувствовав боль, осознала: она слегка округлилась, будто бутончик. Я было собралась отомстить, но она предупредила:

— Только тронь — завтра в одну карету не сядешь. — Я притихла и лишь смотрела на неё, досадуя.

Она, обретя действенный метод, с улыбкой принялась меня дразнить: щипала за щёки, ключицы, грудь — пока во мне не закипело. Но сделать я ничего не могла, только сверлила её взглядом, пока она не наигралась. Тогда она улёгшись, с сияющей улыбкой позвала:

— Тайпин.

Во мне клокотала обида. Я буркнула:

— Чего?

Она покачала головой:

— Ничего. Спи.

Видеть, как она, раздражив меня, сама собирается спать, было нестерпимо. Я стиснула зубы, но лишь закрыла глаза:

— Спи, так спи. — Решила стоять на своём и, хоть она ворочалась рядом и дразнилась, не открывала глаз. Возможно, из-за дорожной усталости, я постепенно погрузилась в дремоту.

<http://bllate.org/book/16278/1466656>